

Глобальная (им)мобильность в зеркале постмодернистских трансформаций: политический аспект

Вера Тормошева

Соискатель кафедры международных отношений и политологии
Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова
Адрес: ул. Минина, д. 31А, г. Нижний Новгород, Российская Федерация 603155
E-mail: tormosh@mail.ru

Одним из проявлений глобализации считается усиление пространственной подвижности населения в целом и вовлечение всё большего количества граждан в процессы международной миграции в частности. Однако процессы, способствующие движению и глобальным связям, одновременно порождают физическую и социально-политическую иммобильность, отчуждение и разобщённость. Феномен (им)мобильности рассмотрен в статье с политологической точки зрения. Используя институциональный подход, автор характеризует (им)мобильность как процесс, с одной стороны, обусловленный деятельностью международных и национальных политических институтов — с другой, стимулирующий возникновение формальных и неформальных политических практик. Государственное регулирование трансграничной миграции выражается в требовании убедительных оснований для легального въезда на территорию того или иного государства, в развитии дистанционных форм управления мобильностью, использовании финансовых механизмов и введении ограничительных миграционных мер. Ограничительные практики модерна встречаются с цифровыми практиками постмодерна. При этом политические барьеры препятствуют движению как потенциально опасных групп и индивидов, так и не представляющих угрозу обществу граждан, нарушая права и свободы, так называемые «права на мобильность». Инициативы политических партий и общественных объединений закрывают мобильным гражданам доступ не только к политическому лидерству, но и к участию в формировании политической повестки.

Ключевые слова: миграция, мобильность, иммобильность, постмодерн, институциональный подход, политические институты

Научные дискуссии о мобильности

Понятие «мобильность» (mobility) нельзя отнести к новым феноменам социально-гуманитарного знания. В английский язык оно вошло ещё в XVII веке для обозначения человеческих тел, конечностей и органов. Впоследствии оно получило распространение в естественных науках для описания возможности двигаться и использовалось взаимозаменямо с понятием «движение» (movement). К XVIII веку употребление понятия «mobility» отмечено и в общественных науках по отношению к движущейся и легковозбудимой толпе (Cresswell, 2006: 20–21).

Широкое распространение оба понятия получили в эпоху модерна, отмеченную поступательным сжатием пространства и времени благодаря развитию коммуникационных и транспортных средств. Чрезвычайно актуальны они и сегодня, в эпоху постмодерна, характеризующуюся глобальными трансформациями и противоречиями, когда мир представляет собой «не только пространство сетей, потоков и мобильности, но и мир границ, нарушающих мобильность, свободы, права и идентичность» (Rumford, 2006: 163–164).

Научные дискуссии на страницах ведущих российских изданий сфокусированы на нескольких направлениях исследований. *Региональную специфику пространственной мобильности* представляют: этнографический взгляд на среднеазиатскую миграцию в транснациональном пространстве (Абашин, 2012); анализ общероссийских тенденций возвратной мобильности — внутренних трудовых и сезонных дачных миграций россиян (Бреславский, 2017); особенности управления миграционными потоками в странах Европейского союза (Барбера, 2014); меры по защите территорий на пути трансграничных потоков из Азии и Африки (Голунов, 2009). *Теоретико-методологические подходы к изучению данного феномена* включают работы о гендерных эффектах международной мобильности населения (Толстокорова, 2014); этнической проблематике современных миграционных процессов на международном и межнациональном уровнях (Захарян, 2012); сетевом подходе к исследованию международных миграционных потоков (Алескеров и др., 2016); мотивационных факторах влияния на интенсивность мобильности в глобальном масштабе (Попов, 2011); количественных и качественных аспектах международной миграции трудовых ресурсов (Шишков, 2011).

В современной общественной мысли понятия, ассоциирующиеся с мобильностью, преимущественно имеют позитивную коннотацию. Быть текучим, динамичным, движущимся либо мобильным — значит, быть прогрессивным, впечатляющим и современным. В этой логике мобильности приписывают победу над сковывающей способностью пространства, а глобально мобильным личностям — добровольным участникам межкультурного взаимодействия — лёгкость адаптации к новым условиям: пространственным, темпоральным, информационным, культурным, идеологическим (Сизиков, 2005: 100–101, 114–115). Напротив, укоренённость, устойчивость, статичность либо ограниченность в чём-либо расцениваются как нечто реакционное, скучное и устаревшее (Cresswell, 2006: 25). Негативные оценки иммобильности включают такие характеристики, как «культурный примитивизм, препятствие на пути к прогрессу, лишение, отстранение, неполноценность, недостаток» (Khan, 2016: 94). Нулевую степень мобильности, реальной и виртуальной, другими словами, локальную скованность связывают с социальной периферией транснационального культурного пространства, к которой люди вынужденно привязаны, страдают от избытка времени, осознают свою связь с пространством как непреодолимое препятствие и жёстко идентифицируют себя с локальными культурами, что порождает напряжённость и чревато крупномасштабными конфликтами (Сизиков, 2005: 91–92, 101, 113).

Основная масса исследований глобализации посвящена открытости и проницаемости границ, тогда как исследователи уделяют недостаточно внимания ограничениям, которые несёт с собой «глобальный режим мобильности» (Shamir, 2005: 214). Многочисленные ограничения пространственной мобильности делают преждевременным утверждение о глобализации миграции. Статистика последних трёх десятилетий показывает, что человеческая мобильность ещё не вышла на уровень мобильности капитала, товаров и услуг. Создаются благоприятные условия для движения товаров и капитала через государственные границы, и в то же время ужесточается контроль над движением человеческих потоков (Ribas-Mateos, 2005: 175–176). Следовательно, изучение иммобильности в условиях глобализации весьма актуально.

Постмодернистское определение (им)мобильности

То, что интеракции в человеческом обществе тесно связаны не только с мобильностью, но и с иммобильностью, т. е. отсутствием мобильности, ограниченной мобильностью или неподвижностью, позволяет исследователям-постмодернистам включать обе характеристики в определение мобильности. Согласно постмодернистскому видению мобильности, это «реальное или потенциальное движение вплетённых в сети потоков людей, товаров, идей, образов и информации, характеризующееся напряжённостью между подвижностью и неподвижностью, терроризацией и детерриоризацией и субъектами мобильности и иммобильности» (Jensen, 2011: 256–257). В свою очередь, понятие «иммобильность» (immobility) относят к совокупности упорядоченных, сдерживающих либо переходных состояний движения, включающих политические, экономические, социальные, культурные и географические компоненты. Каждая форма движения имеет иммобильные последствия в разных местах и разнообразных проявлениях (Khan, 2016: 93). Иммобильность связывают с теми, кто исключён из глобального потребления и глобального движения, или чьё перемещение вызвано войной, бедностью либо экологической катастрофой (Ray, 2002).

Чрезмерное исследовательское увлечение мобильностью в ущерб иммобильности, предупреждают учёные, может заслонить «статичное» влияние, к примеру, национальных политических институтов на социальную и физическую мобильность граждан через лишение их свободы, регулирование трансграничной миграции и т. п. (Rau, 2010: 237). В то же время человеческая мобильность практически всегда является предметом вмешательства государства и других заинтересованных сторон, таких как корпорации. Как пишет Б. С. Тёрнер, глобализации свойственны экономические процессы мобильности товаров и услуг и политические процессы иммобильности граждан как способа государственного регулирования (Turner, 2007: 287). Политические институты нормативно определяют и ограничивают пространственную мобильность так, что иммобильность становится нормой (Salazar, Smart, 2011: v).

Изучение источников по проблематике мобильности позволило нам выявить две исследовательские позиции, которые, однако, не получили комплексного политологического рассмотрения: 1) контроль первичен, мобильность вторична; 2) мобильность первична, контроль вторичен.

Согласно первой позиции, отличительной характеристикой современного мира является то, что человеческая мобильность вписана в рамки глобальной политической системы, в которой государства, устанавливающие и контролирующие параметры (транс)национального передвижения, предпочитают относительно иммобильное население (Salazar, Smart, 2011: iii). Так, к началу 2010-х годов сформировался комплекс международно-правовых норм, которые стали влиять на отдельные направления миграционной политики, образовав нормативную базу для регулирования международной мобильности. Сюда вошли: Конвенция о статусе беженцев (1951 г.), Международная конвенция о правах всех трудящихся-мигрантов и членов их семей (1990 г.), Генеральное соглашение о торговле услугами ГАТС (1994 г.), Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности (2000 г.) и др. (Троицкая, 2012: 144–145).

Согласно второй позиции, предлагается сместить акцент с главенства государства в вопросах контроля над территорией на примат мобильности и подойти к пониманию суверенитета через призму мобильности, а не наоборот. «Автоно-мия миграции» (термин предложен Y. Moulier-Boutang в 1998 г.) предполагает, что миграция — это не движение, предопределённое нормами институциональной власти либо социально-экономической ситуацией, а общественно-политическое движение (Trimikliniotis, Parsanoglou, Tsianos, 2015: 35). Неслучайно мобильное сообщество характеризуют как «мир знаний, информации, способов выживания, взаимопомощи, общественных отношений, обмена услугами, солидарности, коммуникабельности, который поддерживается и расширяется людьми» (Nyers, 2015: 32). То, что мигрантам приходится изобретать новые способы осуществления мобильности, не значит, что мобильность существует независимо от контроля (Nyers, 2015: 25, 28). Мобильность стимулирует появление государственного контроля вплоть до введения таких жёстких форм, как незаконное задержание либо депортация.

На наш взгляд, использование институционального подхода позволит объединить обе позиции и охарактеризовать (им)мобильность как процесс, с одной стороны, обусловленный деятельностью международных и национальных политических институтов, с другой стороны, стимулирующий возникновение формальных и неформальных политических практик. Мы рассмотрим следующие аспекты проблемы (им)мобильности: 1) наднациональный и национальный уровни регулирования мобильности; 2) традиции и инновации в управлении международной мобильностью; 3) вопросы (им)мобильности в политической повестке дня.

Наднациональный уровень управления мобильностью

Утверждается, что общественно-политические вопросы, касающиеся мобильности, представлены в управлении процессе на локальном, национальном и наднациональном уровнях (Rau, 2010: 237). При этом отдельные государства, межгосударственные объединения, региональные блоки и международные организации руководствуются «парадигмой подозрительности», препятствуя доступу индивидов и групп к «правам мобильности» посредством территориального регулирования (Shamir, 2005: 214).

К примеру, усилия по ограничению притока иммигрантов и беженцев рассматриваются как важнейшая составная часть внешнеполитического измерения пространства свободы, безопасности и правосудия — самостоятельного вектора внешней политики Европейского союза (Рябов, 2012: 60). При этом ЕС справедливо подвергается критике за политику двойных стандартов: с одной стороны, поддерживая движение за свободу и демократию, а с другой — демонстрируя нежелательность масштабных миграционных процессов, охвативших Средиземноморский регион (Примакова, 2012: 16). С помощью набора директив, дискурсов, практик и политических программ для управления миграционными потоками создаются режимы свободного перемещения граждан ЕС и «европеизированных» иностранцев, в то же время через технологии гражданства и пограничный контроль ограничивается мобильность субъектов, предположительно представляющих потенциальную угрозу или неспособность к интеграции (Барбера, 2014: 153).

Главным внешнеполитическим средством ограничения притока иммигрантов стала так называемая гармонизация списков стран, граждане которых должны иметь визу для легального въезда на территорию государств — членов ЕС. Примечательно, что гармонизация осуществлялась путём увеличения, а не уменьшения числа стран в списке: с 70 стран в 1985 году до 126 стран в 1995 году. Список стран, граждане которых должны обладать визой для легального въезда на территорию шенгенской зоны, по своей сути — список необъявленных врагов, от которых ЕС стремится защититься. Задача по выявлению представляющих угрозу лиц и, соответственно, по недопущению получения ими легальных оснований для въезда на территорию шенгенской зоны (т. е. визы) лежит на дипломатических и консульских представительствах стран ЕС (Рябов, 2012: 62). В процессе разработки находятся механизмы по предотвращению свободного перемещения мигрантов внутри ЕС (Войников, 2015: 80). Европейские институты фактически возрождают колониальные методы управления мобильностью, устанавливая административные пространства для «окультурирования» и вестернизации мигрантов, используя колониальную иерархическую схему «гражданин — подданный» (Барбера, 2014: 161–162).

Кроме того, в процесс миграционного контроля Евросоюзом вовлечены трети страны. На них возложена ответственность по рассмотрению ходатайств о предоставлении политического убежища. В соответствии с существующей нормой

ищущий политическое убежище может столкнуться с отказом на том основании, что он уже имел возможность обратиться за защитой к властям государства, через которое он транзитом следовал на территорию ЕС, однако не сделал этого (Рябов, 2012: 64).

Игнорировать явление иммобильности не позволяет и сложившаяся в международной системе практика политической изоляции. Одним из примеров служат «непризнанные государства». Этот термин используется для названия регионов, которые провозгласили себя суверенными государствами и обладают отдельными признаками государственности, но в то же время не имеют дипломатического признания со стороны государств — членов ООН, а их территория, как правило, расценивается как находящаяся под суверенитетом одного или нескольких государств — членов ООН. М. Риегл приводит список из 42 непризнанных государств, возникших в период 1946–2009 годов, среди которых государства, не имеющие международного признания, имеющие частичное или ограниченное международное признание, имеющие международное признание на уровне отдельных государств — членов ООН (Riegl, 2014: 23–25). Для обозначения территории непризнанного государства используют метафору «ничья земля» (*no man's land*). Быть гражданином «ничьей земли» — значит иметь политический статус отверженного, что не позволяет участвовать в общепринятых международных трансакциях — академических, научно-профессиональных, трудовых, спортивных, туристических, социально-политических (Navaro-Yashin, 2003: 107–108). За чуть более чем 60 лет существования непризнанных государств проблема иммобильности так или иначе коснулась значительного числа граждан, превышающего 100 млн человек.

Мы разделяем мнение тех учёных, которые считают, что установка законодательных барьеров на уровне международной системы и пренебрежение нормами прав человека в управлении миграцией заставляют усомниться в становлении гармоничного международного миграционного режима. Существующая система управления не позволяет международному сообществу эффективно реагировать на возникающие гуманитарные кризисы, способствует чрезмерному напряжению государственных ресурсов, направленных на сдерживание, фильтрацию и контроль при неочевидном положительном эффекте от этих мер, не принимает в расчёт последствия миграционной политики для третьих стран (Троицкая, 2012: 148–149).

Национальный уровень регулирования мобильности

Что касается отдельных государств, то здесь мы наблюдаем ту же тенденцию. Руководствуясь защитой прав человека и гражданских свобод, они инициируют властный контроль, вводят ограничительные миграционные меры, что, в свою очередь, усиливает давление на свободу мобильности (Trimikliniotis, Parsanoglou, Tsianos, 2015: 28).

Один из первых примеров в развитии всемирной системы содействия–ограничения международной мобильности датируется 1882 годом, когда Конгресс США принял «Акт о запрещении въезда китайцам» (Chinese Exclusion Act). Акт регулировал вопросы въезда китайцев в США и их перемещения внутри страны и опирался на идею коренного отличия между китайцем и американцем, гражданином и иностранцем, предпринимателем и рабочим. Наиболее наглядным проявлением действия этого акта стал центр временного размещения на острове Энджел в заливе Сан-Франциско, где одновременно содержалось несколько десятков тысяч китайцев в ожидании решения о въезде или выдворении (Cresswell, 2006: 186). Первоначально рассчитанный на 10 лет, данный акт просуществовал с некоторыми изменениями до 1965 года.

Сегодня в США в центре внимания находится вопрос о правомочности американского правительства удерживать иностранных граждан в лагере, находящемся в заливе Гуантанамо на Кубе. Согласно постановлению Апелляционного суда США, федеральные суды не имеют юрисдикции рассматривать ходатайства иностранных граждан, находящихся вне пределов США. Решение преднамеренно помещать мигрантов в подобные условия рассматривается правозащитниками как нарушение международного права и ограничение задержанных в праве на передвижение (Rumford, 2006: 165).

Несмотря на деятельность глобального общественного движения «Незаконных нет» (No one is illegal) и ему подобных, статистика демонстрирует значительное снижение мобильности в США. Если в 1990-е годы количество нелегальных иммигрантов в США показывало положительную динамику, то с 2000 по 2009 год оно упало на 72% — с 1,4 млн до 400 тыс. человек (Warren, Warren, 2013: 323).

Ограничение доступа мигрантов на территорию своей страны с нарушением международного права характерно и для других стран. Так, «Тихоокеанское решение» кабинета министров Дж. Ховарда (2001–2008 годы, 2013 год — настоящее время) связано с размещением центров приёма мигрантов на островных территориях Австралии, выведенных из-под австралийского законодательства о миграции. Согласно этому решению, лица, прибывшие в Австралию морем, отправляются в офшорные центры, а не принимаются в качестве беженцев, что, в свою очередь, противоречит статьям таких международных документов, как Всеобщая декларация прав человека и Женевская конвенция «О статусе беженцев» (Wong, 2015: 41).

В общей сложности развитые страны установили ряд селективных административных механизмов, институциональных и личностных, встречающихся в разных точках на пути мобильного сообщества и призванных идентифицировать, локализовать и отбирать только нужные кадры. Классические границы модерна сменились «пограничными зонами» постмодерна, где, с одной стороны, оспаривается мобильность людей, а с другой — сама мобильность оспаривает границы, возможности контроля и даже государственный суверенитет (Барбера, 2014: 156).

Традиции и инновации в управлении международной мобильностью

Одним из подобных механизмов выступает так называемое «дистанционное управление» международной мобильностью. Этот механизм был впервые применён в США после Первой мировой войны с внедрением важности паспортов и виз. Его суть заключалась в том, что мигранты подвергались контролю ещё до того, как покинуть территорию страны проживания (Cresswell, 2006: 184). Механизм представлял собой тщательно разработанную и дорогостоящую систему регистрации, включающую рассмотрение документов персоналом и выдачу виз дистанционно, другими словами, государственную монополизацию легитимных способов передвижения.

Европейская практика показывает, что дистанционное управление используется непосредственно посольствами и консульствами в момент рассмотрения заявок на получение визы. Это происходит с активным использованием данных о «культивируемых» в третьей стране способах мошенничества, неблагонадёжных заявителях и туристических агентствах и составлением портрета потенциально-нежелательного иммигранта, описанного в терминах пола, возраста, этнического происхождения, религиозных убеждений, места рождения или жительства, уровня доходов и т. д. (Рябов, 2012: 63). Наиболее вероятными кандидатами на пост «варваров» для современной Европы выступают мусульмане (Барбера, 2014: 164). В описании Л. Дж. Рэя иммобилльный субъект — небелый по цвету кожи, бедный, безработный, находящийся на нелегальном положении (Ray, 2002). В более широком смысле это социальный, политический и юридический феномен «антигражданина» (Барбера, 2014: 155).

Повторим, что такое формирование иммиграционных режимов предполагает отрижение ценностей демократии, верховенства права и свободы со стороны самих бюрократических институтов, их «зашитающих», поскольку оно влечёт нарушение не только миграционного законодательства, но и фундаментальных прав человека (Барбера, 2014: 164). К сожалению, незаконное задержание либо депортация без права апелляции являются сегодня достаточно распространёнными практиками государственного регулирования пересечения границ. Даже иностранным гражданам, находящимся в относительно привилегированном положении, может быть отказано в праве перемещения по подозрению в расовой, этнической или иной принадлежности к так называемым Другим. В целом миллионы потенциально мобильных граждан уязвимы в отношении применения к ним различных видов дискриминации, силы либо ненадлежащего обращения в случае пересечения ими границ (Gündogdu, 2015: 2).

Дистанционное управление международной мобильностью связано не только со сбором данных с помощью компьютеризированной сети контроля, но и с привлечением к ответственности за нарушения. Создаётся новый режим управления миграцией — «цифровая депортация», или «кибердепортация», как основанный на информационно-коммуникационных технологиях ответ на быструю, гибкую,

многонаправленную мобильность. Цифровая депортация возникает, когда появляется риск нелегальной мобильности людей или финансов, либо нарушение сроков. Таким образом, Европейская база данных обеспечивает государствам — участникам ЕС инфраструктуру для дистанционного выявления и изоляции потенциальных мигрантов-нарушителей. Изоляция выражается в двух формах: отказ в регистрации и выдаче документов и отказ посредством ограничений в документах и регистрации. Цифровая депортация, в свою очередь, поддерживает взаимосвязь между формами отказа, которая усиливается благодаря практическому использованию ИКТ (Trimikliniotis, Parsanoglou, Tsianos, 2015: 44).

Государства зачастую используют финансовые механизмы ограничения миграции, несмотря на сложные для национальных социально-экономических систем времена. Так, в 2011 году инициативы итальянского правительства по прекращению притока мигрантов из Туниса вылились в подписание совместного соглашения об оказании финансовой помощи Тунису в размере 250–300 млн евро, большая часть которой безвозмездна. Средства пошли на противодействие нелегальной иммиграции, создание радарной системы по охране границ, покрытие долгов, поддержку малого и среднего бизнеса. В результате действия данного соглашения приток тунисских иммигрантов в Италию во втором квартале 2011 года сократился на 75% (Примакова, 2012: 26).

Кроме того, государства продолжают использовать и традиционные механизмы защиты, а именно возведение пограничных стен (против военной агрессии, нелегальной миграции, трансграничной преступности — боевиков, наркоторговцев и контрабандистов) (Голунов, 2009: 92). В качестве ответа на рост числа нелегальных иммигрантов государства — члены ЕС приступили к укреплению своих южных рубежей: Венгрия, Болгария, Греция, Испания начали возведение стен на своих внешних границах (Войников, 2015: 80). В 1999 году между Марокко и Испанией был установлен трёхметровый стальной забор, оснащённый башнями наблюдения, видеокамерами, микрофонами, сенсорами движения и прожекторами. Общая стоимость ограждения составила 3,4 млн евро. В 2005 году ещё 20 млн евро было вложено в техническое усовершенствование и укрепление ограждения (Барбера, 2014: 155).

Места, технологии и «ворота», которые повышают мобильность одних, усиливая при этом неподвижность других, стремительно множатся (Урри, 2012: 80). Растущая мобильность в обществе и между государствами требует новых границ для регулирования новых форм активности, с которыми традиционные границы не справляются. В этой связи отметим ещё две тенденции: участие граждан в охране существующих границ и установление гражданами новых границ на пути мобильного населения.

Проиллюстрируем первую тенденцию. Многие бедные мексиканцы пытаются нелегально преодолеть так называемый «Тортилловый занавес» (Tortilla Curtain) — границу протяжённостью 3000 км на пути в США. Более миллиона человек ежегодно подвергаются аресту, а около 500 погибают. Результатом стало

появление феномена «групп бдительности», или отрядов самообороны, которые добровольно патрулируют пустынные приграничные территории в поисках мексиканцев, пытающихся преодолеть границу в отдалённых местах. Политики характеризуют их деятельность как «усилия общественности по защите своей страны» (Rumford, 2006: 165).

Вторая тенденция связана с избирательностью и адресностью границ, которые в эпоху постмодерна могут создаваться, перемещаться и разрушаться различными акторами. Здесь уместно вспомнить падение Берлинской стены, организованное гражданами, которые не дождались правительственные и дипломатических решений. Сегодня в различных населённых пунктах Европы «властью народа» строятся жилые комплексы закрытого типа и охраняемые посёлки, устанавливающие границы на пути переселенцев. В Великобритании активно лоббируется вопрос создания внутренней пограничной службы. Граждане, как и государства, вправе устанавливать и переустанавливать границы (Ibid.: 164).

В целом развитые и развивающиеся государства в последние десятилетия проводят миграционную политику предпочтения национальным интересам в ущерб международным обязательствам (Троицкая, 2012: 145). Б.С. Тёрнер вводит понятие «режим иммобильности» — меры контроля по защите местного населения от рисков, которые несут мигранты, беженцы и другие нежелательные мобильные группы населения (Turner, 2007: 289). Эти меры включают как организацию известных со времён премодерна закрытых обществ, гетто, карантинных зон, тюрем, лагерей, так и использование современных достижений для противодействия высокотехнологичным вызовам постмодерна — биотerrorизму и распространению биологического оружия (Ibid.: 301). Политические барьеры не только работают с разной степенью результативности по отношению к представляющим опасность группам и индивидам, но и оказывают пагубное влияние, ограничивая права и свободы граждан, не представляющих угрозу обществу, так называемые «права на мобильность» (право получения паспорта, право въезда в страну, право просить убежища, право на проживание в стране, право на заключение брака с гражданином другой страны, права трудящихся-мигрантов, права беженцев, право покупки зарубежной собственности, право инвестировать в другие страны) (Ibid.: 301).

(Им)мобильность в политической повестке дня

(Им)мобильность сегодня широко представлена в политической повестке. Повышенное внимание к проблеме иммиграции в европейских странах объясняет, почему она стоит отдельным номером в программах основных политических партий не только правого, но и левого фланга (Барбера, 2014: 161). Несмотря на то что иммиграция стала заметным фактором социально-экономического развития европейских стран, она вызывает у европейцев чувство незащищённости перед разрушением национальных культурных и религиозных ценностей, ростом преступности, ужесточающейся конкуренцией на рынке труда и соперничеством за

социальные блага. В результате в предвыборный период политики нередко разыгрывают антииммигрантскую карту, что, несомненно, ведёт к политизации миграционного вопроса (Примакова, 2012: 42).

Российская практика свидетельствует, что в заявлениях официальных лиц феномен миграции выражается преимущественно в отрицательных и карательных терминах контроля, ограничений и квот, что оправдывает «сражение» власти с незаконными мигрантами. Мигрант в подаче медиа представляет собой две крайности: либо жертву, либо нелегала-преступника, что выставляет его в неблагоприятном свете. По большому счёту антииммигрантская риторика агрессивна и неэффективна как средство достижения целей адаптации и интеграции мигрантов, поскольку вызывает в обществе страх перед угрозой безработицы, исламизации и азиатизации российских городов и протесты общественности против мигрантов (Даве, 2013: 106, 108, 109, 113).

Исследователи отмечают, что мигранты не вовлечены в обсуждение политических вопросов относительно миграции. Поскольку политическая деятельность мигрантов нерепрезентативна с точки зрения доминирующей политики, это позволяет относиться к ней как к не-политике, антирепрезентативной политике, общественному не-движению. Однако незаметная ежедневная деятельность, так называемый неполитический опыт, встречаясь с консервативностью политического порядка, выливается в радикальные трансформации и порождает коллективные протестные действия (Trimikliniotis, Parsanoglou, Tsianos, 2015: 39). При этом то, что с точки зрения государства является нелегальным деянием, с позиции мигрантов — акт справедливости, необходимый в повседневной жизни. Мобильность влияет на своих оппонентов, изменение их стратегий, заставляет серьёзно относиться к самой идее мобильности — «свободу передвижения мне, моим детям, моим родным, моим друзьям, моим попутчикам — людям, которые этого заслуживают (Ibid.: 40).

Движение всё больше обозначает некое право, на что указывает и Декларация ООН о правах человека, и конституция Европейского союза. Те, кто по каким-либо причинам лишен права на подобное движение, страдают от самых разных форм отчуждения (Урри, 2012: 89). В этой связи отметим отсутствие равного доступа к политическому лидерству представителей различных этнических, религиозных, идеологических, классовых и гендерных групп, включая представителей мобильного сообщества (Schaake, 2008: 52). В отсутствие данных о ситуации в России остановимся на примерах из американской и европейской практики политического отчуждения мобильных граждан.

В последние годы в США в связи с ужесточением иммиграционного законодательства осуществимость американской мечты, т. е. идеалов свободы и открытых возможностей для всех, претерпела значительную коррекцию. Сегодня американские мусульмане — прежде всего мусульмане и лишь затем американцы. Политическая репрезентация мусульман в американской политике незначительна: из 435 членов палаты представителей Конгресса США лишь два мусульманина. Предста-

вители других этнических меньшинств отсутствуют, исходя из процентного соотношения к общей численности населения.

Даже избрание чернокожего президента не поменяло расстановку сил в американском политическом истеблишменте, поскольку сегрегация по этническому принципу остаётся весьма значительной. Обама был единственным афроамериканцем в Сенате, после его ухода Сенат опять стал «белым». Аналогичным образом количество других этнических меньшинств в политике не отражает их средний показатель по стране (*Ibid.*: 46, 48–49).

В европейском обществе достаточно легко идентифицировать политически доминантную группу. Это белые мужчины — высокообразованные представители высшего либо среднего класса, многие годы посвятившие работе в национальном партийном аппарате и парламентской системе (*Ibid.*: 47–48). Появление здесь «европейского Обамы» пока маловероятно. В зависимости от страны потребуются десятилетия, прежде чем представитель того или иного меньшинства, включая принадлежность к мобильному сообществу, сможет занять высокий государственный пост. Социологические опросы показывают, что даже в одной из самых прогрессивных европейских стран, Нидерландах, кандидат от какого-либо этнического меньшинства не смог бы набрать более 50% голосов. За премьер-министра мусульманина готовы проголосовать не более 27% избирателей (*Ibid.*: 46).

Примеры представительства меньшинств в политической жизни европейских стран крайне малочисленны. Так, Франция отличается полным отсутствием этнических меньшинств в Национальной ассамблее. Палата общин Великобритании насчитывает 15 представителей этнических меньшинств из 646 членов. В палате лордов на 741 члена всего 24 подобных представителя. Из 613 членов немецкого Бундестага всего 5 этнических турок, хотя в стране проживают около трёх миллионов граждан турецкого происхождения. В высших эшелонах турецкой власти нет ни одного атеиста, представителя религиозных или субэтнических меньшинств либо носителя нетрадиционной сексуальности. Этнические меньшинства крайне малочисленны не только в европейских законодательных органах, но и в медиакорпорациях, советах директоров компаний, судебной и исполнительной власти (*Ibid.*: 49–50). Всё это наряду с антииммигантской риторикой большинства политических партий свидетельствует о проблематичности доступа мобильных граждан к политическому лидерству.

Выводы

Таким образом, (им)мобильность представляет собой двунаправленный процесс, обусловленный деятельностью международных и национальных политических институтов и стимулирующий возникновение формальных и неформальных политических практик. Государственное регулирование трансграничной миграции выражается в требовании убедительных оснований для легального въезда на территорию того или иного государства, развитии дистанционных форм управле-

ния мобильностью, использовании финансовых механизмов и введении ограничительных миграционных мер (составление списков неблагонадёжных граждан, удержание иностранных граждан в зонах вне пределов места назначения, делегирование рассмотрения ходатайств о политическом убежище третьим странам, политическая изоляция граждан непризнанных государств). Практики модерна (строительство и техническое усовершенствование традиционных пограничных стен) встречаются с практиками постмодерна (цифровая депортация). При этом политические барьеры препятствуют движению как потенциально опасных групп и индивидов, так и не представляющих угрозу обществу граждан, ограничивая права и свободы, так называемые «права на мобильность». Политические партии с их антииммигантскими программами и группы общественности, инициирующие охрану приграничных территорий и возведение внутренних границ, создают новые физические и идеологические ограничения на пути мобильного населения. Мобильным гражданам закрыт доступ не только к политическому лидерству, но и к участию в формировании политической повестки.

Литература

- Абашин С. Н. (2012). Среднеазиатская миграция: практики, локальные сообщества, транснационализм // Этнографическое обозрение. № 4. С. 3–13.
- Алескеров Ф. Т., Мещерякова Н. Г., Резянова А. Н., Швыдун С. В. (2016). Анализ влияния стран в сети международной миграции // Политическая наука. № 4. С. 137–158.
- Барбера И. (2014). Ориентализация мигрантов в Европейском союзе // Журнал исследований социальной политики. Т. 12. № 2. С. 153–168.
- Бреславский А. С. (2017). Поправка на мобильность: как трудовая и дачная миграция влияет на расселение россиян? // Социологическое обозрение. Т. 16. № 1. С. 278–295.
- Войников В. В. (2015). Правовые аспекты политики Европейского союза по борьбе с незаконной иммиграцией // Балтийский регион. Т. 26. № 4. С. 73–89.
- Голунов С. В. (2009). Вперёд в прошлое? Пограничные стены в Азии и Африке // Мировая экономика и международные отношения. № 11. С. 85–93.
- Даве Б. (2013). Дискуссия о статусе мигрантов и законности в России в глобальном дискурсе управления миграцией // Известия ИГУ. Серия «Политология. Религиоведение». № 2. Ч. 2. С. 103–114.
- Захарян И. Э. (2012). Особенности и последствия международной миграции: исследовательские концепции и перспективы изучения // Журнал исследований социальной политики. Т. 10. № 1. С. 127–132.
- Попов В. А. (2011). Мобильность и деньги: попытка конвергенции двух социологических теорий // Социологическое обозрение. Т. 10. № 1/2. С. 34–53.

- Примакова Н. С. (2012). Европейские противоречия в области миграционной политики на фоне событий «арабской весны» // Актуальные проблемы Европы. № 4. С. 14–59.
- Рябов Ю. А. (2012). Экстернализация миграционного контроля в Европейском союзе: первые шаги по формированию внешнеполитического измерения пространства свободы, безопасности и правосудия // Балтийский регион. Т. 11. № 1. С. 60–69.
- Сизиков А. А. (2005). Динамика формирования транснационального культурного пространства в контексте глобализации. Дисс. ... канд. культ. наук (24.00.01). СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств.
- Толстокорова А. В. (2014). Социогуманитарные производные глобализации: гендерный эффект международной миграции и мобильности населения // Социологическое обозрение. Т. 13. № 3. С. 64–88.
- Троицкая О. В. (2012). Международный миграционный режим? // Международные процессы. Т. 10. № 2. С. 143–153.
- Урри Дж. (2012). Мобильности / Пер. с англ. А. В. Лазарева. М.: Практис.
- Шишкин Ю. В. (2011). Вызовы и перспективы глобальных миграций // Международные процессы. Т. 9. № 3. С. 4–17.
- Cresswell T. (2006). *On the Move: Mobility in the Modern Western World*. N.Y.: Routledge.
- Gündoğdu A. (2015). *Rightlessness in an Age of Rights: Hannah Arendt and the Contemporary Struggles of Migrants*. Oxford: Oxford University Press.
- Jensen A. (2011). Mobility, Space and Power: On the Multiplicities of Seeing Mobility // *Mobilities*. Vol. 6. № 2. P. 255–271.
- Khan N. (2016). Immobility // Salazar N.B., Jayaram K. (eds.). *Keywords of Mobility: Critical Engagements*. N.Y.: Berghahn Books. P. 93–112.
- Navaro-Yashin Y. (2003). «Life is Dead Here»: Sensing the Political in *No Man's Land* // *Anthropological Theory*. Vol. 3. № 1. P. 107–125.
- Nyers P. (2015). Migrant Citizenships and Autonomous Mobilities // *Migration, Mobility, and Displacement*. Vol. 1. № 1. P. 23–39.
- Rau H. (2010). (Im)mobility and Environment-Society Relations: Arguments for and against the Mobilisation of Environmental Sociology // Gross M., Heinrichs H. (eds.). *Environmental Sociology: European Perspectives and Interdisciplinary Challenges*. Dordrecht: Springer. P. 237–254.
- Ray L. J. (2002). Crossing Borders? Sociology, Globalization and Immobility // *Sociological Research Online*. Vol. 7. № 3. P. 1–18.
- Ribas-Mateos N. (2005). *The Mediterranean in the Age of Globalisation: Migration, Welfare and Borders*. New Brunswick: Transaction.
- Riegl M. (2014). Prospects and Limits of Economic Development of Unrecognized States: Between Organized Hypocracy and Private Interests // *European Scientific Journal*. Vol. 10. № 4. P. 17–35.

- Rumford C.* (2006). Theorizing Borders // *European Journal of Social Theory*. Vol. 9. № 2. P. 155–169.
- Salazar N. B., Smart A.* (2011). Anthropological Takes on (Im)Mobility // *Identities: Global Studies in Culture and Power*. Vol. 18. № 6. P. i–ix.
- Schaake M.* (2008). Lands of Opportunity? Comparing Political Mobility for Minorities in the United States, Europe and Turkey // *Turkish Policy Quarterly*. Vol. 7. № 4. P. 45–52.
- Shamir R.* (2005). Without Borders? Notes on Globalization as a Mobility Regime // *Sociological Theory*. Vol. 23. № 2. P. 197–217.
- Trimikliniotis N., Parsanoglou D., Tsianos V. S.* (2015). *Mobile Commons, Migrant Digitalities and the Right to the City*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.
- Turner B. S.* (2007). The Enclave Society: Towards a Sociology of Immobility // *European Journal of Social Theory*. Vol. 10. № 2. P. 287–303.
- Warren R., Warren J. R.* (2013). Unauthorized Immigration to the United States: Annual Estimates and Components of Change, by State, 1990 to 2010 // *International Migration Review*. Vol. 47. № 2. P. 296–329.
- Wong T. K.* (2015). *Rights, Deportation, and Detention in the Age of Immigration Control*. Stanford: Stanford University Press.

Global (Im)mobility in the Mirror of Postmodern Transformations: The Political Aspect

Vera S. Tormosheva

Postgraduate Student, International Relations and Political Science Department,
Nizhny Novgorod Linguistics University
Address: Minin str. 31A, Nizhny Novgorod, Russian Federation 603155
E-mail: tormosh@mail.ru

The increasing spatial fluidity of the population in general and the inclusion of a wider range of people in international migration in particular is recognized as one of the most visible manifestations of globalization. However, processes contributing to the movement and global relations at the same time generate physical and socio-political immobility, alienation, and dissociation. The phenomenon of (im)mobility is considered from a political point of view. Making use of the institutional approach, the author defines (im)mobility as a process caused by international and national political institutions' activities, on one hand, and stimulating the emergence of formal and informal political practices, on the other hand. Government regulation of cross-border migration is reflected in the demands of the valid grounds for the legal entering the territory of a state, the development of distance forms of mobility management, the establishment of financial mechanisms, and the imposition of restrictive migration measures. The isolating practices of modernity meet up with postmodern digital practices. Herewith, political barriers prevent the movement of potentially dangerous individuals and groups, and those not representing a danger to the community, violating human rights and fundamental freedoms, which are so-called mobility rights. Initiatives performed by political parties and public

associations prevent mobile citizens from accessing not only political leadership, but also their participation in political agenda setting.

Keywords: migration, mobility, immobility, postmodernity, institutional approach, political institutions

References

- Abashin S. (2012) Sredneaziatskaja migracija: praktiki, lokal'nye soobshhestva, transnacionalizm [Central Asian Migration: Practices, Local Communities, Transnationalism]. *Etnograficheskoe obozrenie*, no 4, pp. 3–13.
- Aleskerov F., Meshcheryakova N., Rezyapova A., Shvydun S. (2016) Analiz vlijanija stran v seti mezhdunarodnoj migracii [An Analysis of Countries' Influence Through International Migration Network]. *Political Science*, no 4, pp. 137–158.
- Barbero I. (2014) Orientalizacija migrantov v Evropejskom Sojuze [Orientalising Migrants in the European Union]. *Journal of Social Policy Studies*, vol. 12, no 2, pp. 153–168.
- Breslavsky A. (2017) Popravka na mobil'nost': kak trudovaja i dachnaja migracija vlijajet na rasselenie rossijan? [Correction for Mobility: How Do Labour and Dacha's Migrations Influence the Settlement of Russians?]. *Russian Sociological Review*, vol. 16, no 1, pp. 278–295.
- Cresswell T. (2006) *On the Move: Mobility in the Modern Western World*, New York: Routledge.
- Dave B. (2013) Diskussija o statuse migrantov i zakonnosti v Rossii v global'nom diskurse upravlenija migracij [Debating Migrant Status and Legality in Russia within a Global Discourse on Migration Management]. *IGU Bulletin. Politology & Religious Studies Series*, vol. 2, no 11, part 2, pp. 103–114.
- Golunov S. (2009) Vperjod v proshloe? Pogranichnye steny v Azii i Afrike [Forward to the Past? Border Walls in Asia and Africa]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, no 11, pp. 85–93.
- Gündogdu A. (2015) *Rightlessness in an Age of Rights: Hannah Arendt and the Contemporary Struggles of Migrants*, Oxford: Oxford University Press.
- Jensen A. (2011) Mobility, Space and Power: On the Multiplicities of Seeing Mobility. *Mobilities*, vol. 6, no 2, pp. 255–271.
- Khan N. (2016) Immobility. *Keywords of Mobility: Critical Engagements* (eds. N. B. Salazar, K. Jayaram), New York: Berghahn Books, pp. 93–112.
- Navaro-Yashin Y. (2003) "Life is Dead Here": Sensing the Political in *No Man's Land. Anthropological Theory*, vol. 3, no 1, pp. 107–125.
- Nyers P. (2015) Migrant Citizenships and Autonomous Mobilities. *Migration, Mobility, and Displacement*, vol. 1, no 1, pp. 23–39.
- Popov V. (2011) Mobil'nost'i den'gi: popytka konvergencii dvuh sociologicheskikh teorij [Mobility and Money: An Attempt for the Convergence of the Two Sociological Theories]. *Russian Sociological Review*, vol. 10, no 1-2, pp. 34–53.
- Primakova N. (2012) Evropejskie protivorechija v oblasti migracionnoj politiki na fone sobytij "arabskoj vesny" [European Contradictions in Migration Policies in the Light of the Arab Spring Events]. *Urgent Problems of Europe*, no 4, pp. 14–59.
- Rau H. (2010) (Im)mobility and Environment-Society Relations: Arguments for and against the Mobilisation of Environmental Sociology. *Environmental Sociology: European Perspectives and Interdisciplinary Challenges* (eds. M. Gross, H. Heinrichs), Dordrecht: Springer, pp. 237–254.
- Ray L. J. (2002) Crossing Borders? Sociology, Globalization and Immobility. *Sociological Research Online*, vol. 7, no 3, pp. 1–18.
- Ribas-Mateos N. (2005) *The Mediterranean in the Age of Globalisation: Migration, Welfare and Borders*, New Brunswick: Transaction.
- Riegl M. (2014) Prospects and Limits of Economic Development of Unrecognized States: Between Organized Hypocrisy and Private Interests. *European Scientific Journal*, vol. 10, no 4, pp. 17–35.
- Ryabov Y. (2012) Jeksternalizacija migracionnogo kontrolja v Evropejskom Sojuze: pervye shagi po formirovaniyu vneshnopoliticheskogo izmerenija prostranstva svobody, bezopasnosti i pravosudija [The Externalisation of Migration Control in the European Union: First Steps Towards

- the External Dimension of the Space of Freedom, Security and Justice]. *Baltic Region*, vol. 11, no 1, pp. 60–69.
- Rumford C. (2006) Theorizing Borders. *European Journal of Social Theory*, vol. 9, no 2, pp. 155–169.
- Salazar N. B., Smart A. (2011) Anthropological Takes on (Im)Mobility. *Identities: Global Studies in Culture and Power*, vol. 18, no 6, pp. i–ix.
- Schaake M. (2008) Lands of Opportunity? Comparing Political Mobility for Minorities in the United States, Europe and Turkey. *Turkish Policy Quarterly*, vol. 7, no 4, pp. 45–52.
- Shamir R. (2005) Without Borders? Notes on Globalization as a Mobility Regime. *Sociological Theory*, vol. 23, no 2, pp. 197–217.
- Shishkov Y. (2011). *Vyzovy i perspektivy global'nyh migracij* [Challenges and Perspectives of Global Migrations]. *International Trends*, vol. 9, no 3, pp. 4–17.
- Sizikov A. (2005) *Dinamika formirovaniya transnacional'nogo kul'turnogo prostranstva v kontekste globalizacii* [The Dynamics of Transnational Cultural Space Development in the Context of Globalization] (PhD Thesis), SPb: Saint-Petersburg State University of Culture and Art.
- Tolstokorova A. (2014) *Sociogumanitarnye proizvodnye globalizacii: gendernyj effekt mezhdunarodnoj migracii i mobil'nosti naselenija* [Socio-Human Derivatives of Globalization: Gender Effect of International Migration and Population Mobility]. *Russian Sociological Review*, vol. 13, no 3, pp. 64–88.
- Trimikliniotis N., Parsanoglou D., Tsianos V. S. (2015) *Mobile Commons, Migrant Digitalities and the Right to the City*, Basingstoke: Palgrave Macmillan.
- Troitskaya O. (2012) Mezhdunarodnyj migracionnyj rezhim? [International Migration Regime?]. *International Trends*, vol. 10, no 2, pp. 143–153.
- Turner B. S. (2007) The Enclave Society: Towards a Sociology of Immobility. *European Journal of Social Theory*, vol. 10, no 2, pp. 287–303.
- Urry J. (2012) *Mobil'nosti* [Mobilities], Moscow: Praksis.
- Vojnikov V. V. (2015) Pravovye aspekty politiki Evropejskogo Sojuza po bor'be s nezakonnouj immigraciej [Legal Aspects of the EU Policy on Irregular Immigration]. *Baltic Region*, vol. 26, no 4, pp. 73–89.
- Warren R., Warren J. R. (2013) Unauthorized Immigration to the United States: Annual Estimates and Components of Change, by State, 1990 to 2010. *International Migration Review*, vol. 47, no 2, pp. 296–329.
- Wong T. K. (2015) *Rights, Deportation, and Detention in the Age of Immigration Control*, Stanford: Stanford University Press.
- Zaharyan I. (2012) Osobennosti i posledstvija mezhdunarodnoj migracii: issledovatel'skie konceptcii i perspektivy izuchenija [Essential Features and Effects of International Migration: Research Concepts and Prospects of Studying]. *Journal of Social Policy Studies*, vol. 10, no 1, pp. 127–132.